

5. Grinchenko B. D. Slovar' ukrains'koï movi. Uporjadkuvav z dodatkom vlasnogo materijalu Boris Grinchenko. K.: Nauk. dumka, 1997. T. 3.

6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. M.: Rus. jazyk, 1998. T. 2, 3.

7. Matiiv T. Z. Zoonimicheskie prozvisiha kak polinominacija odnogo lica (na materiale antroponimii Kryma) // Russkij jazyk v polikul'turnom mire: sb. st. po materialam H Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Jalta, 8–11 ijunja 2016 g.): v 2 t. / otv. red. E. Ja. Titarenko. Simferopol': IT «ARIAL», 2016. T. I. S. 161–166.

8. Nimchuk V. V. Ukraïns'ka onomastichna terminologija (proekt) // Povidomlennja ukrains'koï onomastichnoï komisii / vidp. red. K. K. Cilujko. K., 1966. Vip. 1. S. 24–43.

9. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka / pod red. chl.-kor. AN SSSR N. Ju. Shvedovoj. 22-e izd. ster. M.: Rus. jazyk, 1990.

10. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii. M.: Nauka, 1988.

11. Slovník ukrains'koï movi: v 11 t. / red. kol. I. K. Bilodid ta in. K.: Nauk. dumka, 1977. T. 8.

12. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial: monografija. Volgograd: Peremena, 2000.

13. Suprun V. I. Razmyshlenie nad onomasticheskoj terminologiej // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija «Filologicheskie nauki». 2011. № 8 (62). S. 133–138.

14. Unbegaun B. O. Russkie familii. M.: Progress, 1989.

15. Ushakov N. N. O grammaticheskikh osobenno-stjah prozvisihnyh imen / N. N. Ushakov, V. D. Vasil'eva, N. P. Kljueva // Onomastika i grammatika. M.: Nauka, 1981. S. 98–122.

16. Chichagov V. K. Iz istorii russkih imjon, otchestv i familij. M.: Uchpedgiz, 1959.

17. Chuchka Pavlo. Antroponimija Zakarpattja (P. P. Chuchka. Antroponimija Zakarpattja: disertacija na zdobuttja naukovogo stupenja doktora filologichnih nauk. K., 1969). Uzhgorod: TOV «Papyrus», 2008.

18. Shul's'ka N. M. Prizvis'ko jak ob'ekt naukovogo opisu (do definicii termina) // Visnik Prikarpat's'kogo nacional'nogo universitetu imeni Vasilja Stefanika. Filologija. Vip. НННН–НННН. Ivano-Frankivs'k: Vidvo Prikarpat's'kogo nacional'nogo universitetu, 2011. S. 292–296.

19. Shul's'ka N. M. Stan doslidzhennja slov'jans'koï neoficijnoï antroponimii u naukovomu diskursi // Materiali V Mizhnarodnoï naukovopraktichnoï konferencii, prisvjachenoï Dnju slov'jans'koï kul'turi ta pisemnosti «Slov'jans'kij svit: vikliki suchasnosti». Uzhgorod: PRAT «Vidavnictvo Zakarpattja», 2016. S. 155–162.

The term “nickname” and its use in onomastic research

The article deals with the term “nickname”, its definition and use in anthroponomical researches, as well as in lexicographic sources. The author uses the results of interpretations of the notion “unofficial proper name” taken by the author in some towns and villages of the Crimea.

Key words: *nickname, name, anthroponym, term.*

(Статья поступила в редакцию 13.10.2016)

В.И. СУПРУН, Л.А. ШЕСТАК
(Волгоград)

УСТОЙЧИВОСТЬ РУССКОГО НАРОДНОГО ГОВОРА ТЕРРИТОРИИ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ (по материалам этнолингвистической экспедиции 2016 г.)*

Рассматриваются современное состояние и истоки говора с. Романовка Ольховского района Волгоградской области, обследованного в ходе этнолингвистической экспедиции в 2016 г. По фонетическим и грамматическим признакам диалекта, а также по сохранившимся историческим данным определяется, что первые поселенцы прибыли в Романовку в 1824–1826 гг. из с. Крутицы Мосальского уезда Калужской губернии. Отмечается устойчивость русского народного говора территории позднего заселения.

Ключевые слова: *говор, южнорусское наречие, аканье, яканье, деаффрикация, этимология, протетические звуки, устойчивость.*

В сельских поселениях Волгоградской области компактно проживают коренные жители, говорящие на донских и волжских говорах русского языка, восточнукраинских говорах, мишарских говорах татарского языка и пока

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант №16-04-18006 «Современные процессы в говорах территорий позднего заселения: диалектологическая экспедиция в Ольховский район Волгоградской области (Романовка, Липовка, Ягодное)».

не обследованных говорах казахского языка (в Заволжье). Остальные жители области разных национальностей живут в городах, где в основном используют русский разговорный язык и просторечье (см. подробнее: [2]). Донские говоры исследованы обстоятельно, имеются монографии, статьи и пособия с их подробным описанием (см.: [16; 10]), подготовлен словарь, в который включено около 17 тыс. слов [22]. Волжские говоры изучены менее подробно [9]; классификация Л.М. Орлова [16, с. 91–93] была уточнена, из неё исключены аксайские говоры [Там же, с. 93], поскольку при дополнительном исследовании установлено, что там живут носители украинских говоров; добавлена заволжская группа [26; 28; 30].

Этнолингвистическая экспедиция ВГСПУ 2016 г. обследовала в Ольховском районе пять населённых пунктов: сёла Романовку, Липовку, Ягодное, хутор Студёновку и посёлок Октябрьский (см. фрагмент карты района). В каждом из поселений обнаружилась устойчивая система народной речи, сохранившая основные черты исконного говора и культуры первопоселенцев. При минимальном расстоянии между отдельными населёнными пунктами (от Романовки до Студёновки менее 5 км) обнаружилась удивительная сохранность исконной диалектной системы, с которой первопоселенцы прибыли на новое место жительства 200–250 лет назад. Остановимся подробнее на романовском говоре, в котором исходная диалектная система сохранилась в наибольшей степени.

Перед началом экспедиции была проведена работа с документами Государственного архива Волгоградской области (ГАВО), были проанализированы единицы хранения 23 и 26 фонда Р-467, в которых содержатся документы, относящиеся к периоду коллективизации и раскулачивания в Романовке. В них фиксировались акты записи изъятого у выселяемых кулаков имущества, сведения о членах семей, протоколы заседаний комитетов бедноты и

других местных организаций. Все они оформлялись местными жителями, имеющими низкий образовательный уровень, поэтому содержат значительное количество диалектных единиц и отражают фонетические и морфологические особенности говора. Подобные документы обладают высокой ценностью для диалектолога, они позволяют в ходе экспедиции провести проверку зафиксированных в архивных документах фонетических, грамматических явлений, лексико-семантических единиц [25]. На основании материалов архивной диалектологии были составлены списки лексем и описание ожидаемых фонетических и грамматических явлений.

Фонетическая система говора на основании письменных документов может быть восстановлена только в общих чертах, поскольку морфологический принцип русского письма (даже при невысоком уровне грамотности) не позволял записывающим фиксировать все факты местного произношения. В системе вокализма отмечается полное аканье: *матыги* (23/40 – здесь и далее ссылка обозначает номер дела фонда Р-467 / номер листа), *саломы* (26/181). Имеется яканье, оно является ассимилятивно-диссимилятивным [11, с. 50–51]: *чахонь* (23/45), *Ялианка, шарстяная* (26/181). Однако часто в записях представлено иканье; видимо, происходило постепенное вытеснение яканья иканьем: *коротинкая, оди-яла, дирвянный* (26/171), *сеинка* (26/189), *диру-га* (26/176).

В говоре достаточно регулярно представлены явления, определяемые диалектологами как «редукция безударного гласного до нуля и вставочные гласные» [20, с. 112]: *брахло* (26/9); *вишони* (26/167), *воелок* (26/176), *паши-нишная* (26/181). Синкопа, т. е. полное выпадение редуцированного гласного, происходит в соседстве с сонорными согласными [19, с. 69]: *сковрода* (23/34), *дирвянный* (26/167). Вставной гласный в словах *короватей* (26/141, 191), *пол-ласть, полысть* (23/42) можно объяснить как результат второго полногласия [8, с. 217]. Как и повсеместно в южнорусских говорах, отмечается протеза в слове *аржаной* (26/168). Зафиксирована метатеза *корвать* (26/141, 185, 195). Вокалическая ассимиляция проявляется в слове *табаретка* (26/141). Звук [ы] в заударной позиции произносился близко к [а], что отразилось на письме: *самовар белай, село было занято белами* (26/64), *галоши новай* (26/298). Изолированным фактом является форма слова, отражающая чередование [я] > [е]: *ярмо – ерм* (23/48об.).

В системе консонантизма обнаруживается фрикативность звука [γ] при фиксации его чередования в слабой позиции с [x]: *плух* (26/293). Звонкие согласные на конце слова оглушаются: *камот* (26/64), *кать* (26/193). В родительном падеже мужского рода прилагательных и местоимений [γ] переходит в [в]: *мово* (23/79), *арбузнава* (26/135). О переходе [к'] в [т'] свидетельствует лексикализованная единица *пошкетница* (26/150, 195) <*паштет*. Более широко это явление представлено в Горном Балыклее [27, с. 110], поэтому возможно, что слово было заимствовано у соседей в готовом виде. Отмечено отвердение [р] – *дируга* (26/176). Регулярно встречается дезаффрикация [ч] в сочетаниях [чн], характерная и для литературного языка, но постепенно в нём исчезающая: *верешный* (26/185), *подсолнушный* (26/187).

В диалектах часто лексикализируются формы слов, не являющиеся результатом регулярных фонетических чередований. Под лексикализацией понимается «превращение одной из форм слова (реже служебной морфемы или словосочетания) в самостоятельную лексему (нередко с новым лексическим значением и новыми грамматическими свойствами)» [23, с. 1118] (ср.: [1, с. 215; 13, с. 176]). Лексикализованным является слово *клев* с переходом [х] > [к] (26/64). Данное фонетическое явление представлено широко на территории обоих наречий русского языка, но ни в одном из говоров нет полного вытеснения [х] > [к]. Лексема *клев* встречается в донских говорах [22, с. 246], в Заволжье [28], а также во многих других русских говорах [18, с. 56]. Из других явлений консонантизма отметим, что в слове *дыхло* (26/137) отсутствует первая палатализация, однако и здесь речь идёт о лексикализованном явлении.

Огромное влияние на записывающего оказывает гиперкоррекция: в стремлении записать текст «по-культурному» носитель говора с невысоким уровнем образования постоянно отмечает *о*, *я* и *е* в безударной позиции как в орфографически правильных местах, так и на месте [а] и [и] литературного языка: *утералка* (23/42об.), *пенжачок* (26/64), *таборетка* (26/182), *кодушка* (26/193). Следовательно, можно говорить о письменных гиперизмах, когда ошибочное написание косвенно отражает наличие аканья, яканья и иканья в говоре. Всё это затрудняет анализ архивного диалектного материала, не позволяет полностью представить его фонетическую и грамматическую системы. Однако особенности говора можно

восстановить, экстраполируя данные гиперкоррекции на определение той или иной диалектной черты.

В силу специфики текстов мы не сможем обнаружить в них всей системы реализации языковых характеристик говора: в записях практически отсутствуют глаголы, личные местоимения, наречия, слабо представлены прилагательные, союзы, предлоги, существительные обычно встречаются в форме именительного и родительного падежей. Морфологическая система отражает у существительных регулярный переход среднего рода в женский: *одеяла* (23/36), *трюмо негодная* (23/42), *одеялка старая*, *корыто жестяная* (23/42об.). В именительном падеже множественного числа у слов среднего рода отмечено окончание *-ы*: *полотенцы* (26/189), *вороты* (26/191), *блюды* (26/293). В родительном падеже множественного числа существительных регулярным является окончание *-ов* для слов всех трёх родов: *семечков*, *яблоков* (23/42об.), *ведров* (23/50об.), *одеялов* (26/64), *дыхлов* (26/137), *подушков* (26/149), *валенков* (26/167), *юбков*, *брюков*, *наволочков*, *кохточков* (26/228). Слово *курица* / *куры* получает в этом же падеже окончание *-ей*: *курей* (26/137). Неустойчивость склонения демонстрирует слово *тыква* в родительном падеже множественного числа: *тыквей* (26/135), *тыквов* (26/141), *тыквьев* (26/171).

Лексика характеризует предметы крестьянского обихода. В селе имелись следующие постройки и части двора: *баз каменный* (23/36), *половня саманная* (23/50), *каретник* (23/36), *закрома деревянные* (23/42), *погребница* (23/48, 165) и *погребец* (23/34), *сусеки* (23/48), *ветряк* (26/192), *скотский двор* (26/245). Чердак обозначается словом *подловка* (26/64), однако упоминается и *кладовая с потолком* (26/188). Дома отапливались *кизиками* (23/29). Особенности местной природы отражает название широко распространённого сорта груши *дули*, которые изымались у кулаков в основном в сушёном виде (26/144). По модели «название растения + суффикс *-ник*» образовано слово *клубничник* (26/85). Лук в Романовке хранили *в вязках* (26/180). Здесь варили *арбузный мед* (26/135), для этого использовали *корыты медовые* (23/45). Ценились *арбузные семечки* (23/42об.), которые также становились предметом изъятия при раскулачивании. Хлеб пекли из *муки размольной* (26/181), для просеивания которой брали *сито сеенку* (26/138, 188).

Названия животных в основном литературные, из имеющих диалектную окраску

ску встречаются *бугай* (26/172), *гуляк* (23/36, 26/10). Из упряжи использовались *вие бычичное* (26/195), *оголовок с постромками* (23/39), *хомут постромочный* (26/298), *хомут с гужами* (26/298), *шворни* (23/36), *налыгач* (26/150). Груз закреплялся *веревкой возовой* (26/137). Для уборки пользовались *вилами навозными* (26/195). Для отбивки косы имелся специальный *косный молоток* (23/40), а для затачивания использовалось *точило косилочное* (26/144, 165). К транспортным средствам относятся *ход железный* (26/149), *можжара/мажжара* (26/62, 85, 189), *сани обшивни/ обшивные* (26/149, 168, 228), *дрожки с передком* (26/228), *выездные тележки* (26/245), *тачка деревянная* (23/47), *возка, седелка/сиделка* (26/298, 23/48об.). Для сельхозработ использовались *каток молотильный* (26/146, 171), *оралка* (26/149, 168). Для смазывания колёс возили с собой *лагун для дектя* (23/40).

Мебель представлена *горкой* (23/33), *посудной лавкой* (26/138, 193), *хлебной полкой* (26/193), *ларьком для муки* (26/193). К предметам одежды и обуви относятся *вацола/ вотола* (23/36, 45об.), *шубный пиджак/пинжак* (23/34, 52), *ватный пинжак* (26/149), *плюшевая гейша* (23/30), *полкафтан* (26/141), *подшалок* (23/33), *порини* (26/168), *чюнки детские* (23/45об.), *чесанки* (26/138, 150, 188, 195). Часто встречается в документах субстантивированное слово – название женской одежды *коротенькая ватная* (26/149, 171, 179), *коротенькая на меху* (26/150). В других говорах Волгоградской области оно нами не было обнаружено. Женская *травчатая юбка* (23/29) известна также в Воронежской области, где так называют полосатую юбку с преобладанием зелёных полос [17, с. 235]. Изъятые у кулака *берканево платье* (23/33), видимо, было сшито из плотной прочной шерстяной узорчатой или гладкокрашеной ткани, именуемой *баркан, баракан*. Остаётся невыясненным материал, из которого сшито *макласево пальто* (23/29). У одного из торговцев были изъяты ткани: *тик, ластик, гарус, шведское* (26/245). Для пошива обуви использовалась *юфта* (26/195).

Предметами домашнего обихода являются *обой на кровати* (23/40), *чайник самоварный* (23/45), *чашика хлебальная* (23/45об., 195), *бадейка* (23/47), *дежка* (26/141), *рушник* (26/138, 193), *прядево* (26/138, 193), *макитра* (26/141), *махотка* (26/150, 195), *пошкетница* (26/150, 195), *битон* (23/42об.). Если название *головная подушка* (23/42) понятно – та, что лежит под головой, то *вербовые подушки* (26/139) или *вербованные подушки* (26/193,

245) нуждались в проверке у носителей говора. Полотно для сельскохозяйственных работ, полог делали дома, поэтому называли его *парус самотканый* (26/150, 293) или *парус самоделка* (26/167). Неустойчивым было название прялки: *самопряха* (23/42об., 26/187, 195), *пряха* (23/48об.), *самопрялка* (26/172). Церковного старосту именуют *титор* (26/227). Отмечен также диалектный глагол *стревал* (26/10).

Все эти явления были изучены до выезда участниками экспедиции, списки слов и предполагаемых явлений были составлены для каждой подгруппы. Кроме того, по архивным документам и имеющимся публикациям была подробно изучена история села.

Село Романовка расположено в 54 км к юго-востоку от райцентра Ольховка, является центром сельского поселения, в которое входит хутор Студёновка [4, с. 174]. По местному преданию, поселение было основано переселенцами из села Крутица Калужской губернии, разорённого французами во время Отечественной войны 1812 г. Основанием для такого предположения послужил микротопоним *Крутица* – так называется одна из частей села. В современной Калужской области имеется три деревни с названием *Крутицы* в Перемышльском и Мосальском районах, однако ни одна из них не пострадала во время нашествия Наполеона. Серьёзные бои в конце августа 1812 г. проходили у деревни *Крутицы* под Москвой (ныне в Одинцовском районе), где Наполеон потерял часть итальянской гвардии и полностью или частично несколько полков, а потери россиян составили до 2 тыс. человек.

Известно, что на территориях позднего заселения микротопонимы часто указывают на места, откуда приехали первооселенцы. Так, село Городище около Царицына состояло из частей: 1) Уваровка, где поселились крестьяне из села Уваровка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии; 2) Городище, куда прибыла крупная партия жителей из села Городище того же уезда; 3) Хохлы, где жили переселенцы из Суджанского уезда Курской губернии, говорящие на украинском диалекте; 4) Корочкины, куда прибыли крестьяне из Корочанского уезда той же губернии. Можно предположить, что и в Романовке название *Крутица* указывает на место первоначального обитания её жителей. Вероятно, память романовцев сохранила исходный топоним, а связь с Отечественной войной 1812 г. появилась в ходе поэтико-легендарного осмысления своей истории.

Документы и очевидцы прошлого свидетельствуют о том, что Романовка была основа-

на в 1824–1826 гг. 300 государственными крестьянами из Калужской губернии. Это было сложное время в истории России. Не успели первые жители устроиться на новом месте, как 19 ноября / 1 декабря 1825 г. в Таганроге скончался император Александр I, на престол вступил Николай I, воцарение которого началось с восстания декабристов. Казалось бы, царской власти было не до переселенцев из Калужской губернии, перебравшихся на берега небольшой степной речушки Студёнки, притока впадающей в Волгу Балыклейки. Императоры менялись, но власть каким-то образом способствовала переселению калужан, поэтому село было названо в честь царской фамилии [14, с. 288]. Трудно сказать, исходила ли инициатива от самих крестьян или начальство подсказало, но так появился и сохранился до сих пор в регионе топоним, закрепивший память о доме Романовых. В Волгоградской области были и другие поселения с таким названием, однако их топонимы были образованы от фамилии *Романов* или от имени *Роман*. В Романовке жителей с фамилией *Романов* не было.

Романовка числилась как казённое село. Словом *сельцо* в некоторых местах России в XIX в. называли небольшой сельский населённый пункт без церкви, деревню. Государственные, или казённые, крестьяне проживали на казённой земле, они отрабатывали повинности в пользу государства, платили подати в казну, сохраняя при этом личную свободу. По указу 1799 г. им определялась норма надела в 15 десятин (более 16 га) в многоземельных губерниях и в 8 десятин (около 9 га) в малоземельных. В 1837–1841 гг. под руководством генерала П.Д. Киселёва было учреждено министерство государственных имуществ, которое осуществляло попечительство над государственными крестьянами через руководителей традиционной сельской общины, опекаемых правительственными чиновниками.

В конце XIX в., когда А.Н. Минх составлял свой историко-географический словарь Царицынского и Камышинского уездов Саратовской губернии, ещё были живы человек 5 из первопоселенцев Романовки. Одним из них был Я. Вдовин, который опубликовал в «Саратовских губернских ведомостях» в 1896 г. очерк о селе. Вдовины продолжали жить и в XX в. в Романовке, участвовали в общественной жизни, но в настоящее время их потомков в селе не осталось. Фамилия эта весьма распространена в России, она происходит от слова *вдова*: предок был сыном женщины, оставшейся без мужа и взявшей на себя заботу о се-

мье. Вдовины жили в Брянской, Архангельской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской губерниях, много их было в Оренбуржье, откуда они позже перебрались в Казахстан, на Алтай, в Сибирь, на Дальний Восток. Живут Вдовины в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. Эта фамилия встречается ныне у жителей Калуги, она вполне могла быть в калужском селе Крутицы, откуда жители отправились в Нижнее Поволжье.

В очерке Я. Вдовина сообщалось, что во время поселения калужан на правом берегу Студёнки здесь были большие леса, луга. Однако не все земли были плодородными, в окрестностях насчитывалось 10 оврагов. Река Студёнка, начинавшаяся на южных склонах Венцовой горы, была полноводной, при ней были большие озера. В течение первых пяти лет крестьяне Романовки занимали землю, сколько кому надо, а затем поделили её по ревизским душам мужского пола. Первоначально целинная земля была плодородной, давала большие урожаи, но постепенно она истощилась, урожаи снизились. Леса были вырублены, луга распаханы, жить стало труднее. Крестьяне занимались исключительно хлебопашеством.

В конце XIX в. в Романовке было три улицы, на которых располагались 323 дома. В основном они были крыты соломой или тёсом. Имелись две мануфактурные и мелочные лавки и одна винная лавка, но она не пользовалась популярностью у селян, пьянства в Романовке не было. Муку романовцы мололи на ветряной и водяной мельницах.

В селе бытует версия, что одним из первых поселенцев был Кусков. Сохранилась легенда, что одна из его двух дочерей возвратилась из паломничества в Киев беременной, «принесла в подоле» будущего купца А.И. Кускова. Когда он подрос, занялся продажей зерна и сельхозинвентаря, построил в Романовке амбар, магазин и великолепный дом с тремя шпилями, до сих пор украшающий село. В нём ныне располагаются администрация и почта. Если учесть, что дом был выстроен в 1910–1911 г., и предположить, что к тому времени купцу было примерно 50 лет, то версия, что его предок был одним из первопоселенцев, является убедительной: его мать родилась в 1830–1840-е гг., а первый Кусков, отправивший дочь в паломничество, мог прибыть в эти края в 1824–1826 гг. После революции купец А.И. Кусков уехал из села, сведения о нём не найдены, поэтому установить год его рождения и проследить историю семьи не удаётся.

Фамилия *Кусков* широко распространена на территории России. Уже в 1377 г. в Москве обнаруживается толмач (переводчик) *Василей Кусков* (конечно, это ещё не фамилия, а отчество от имени или прозвища *Куско, Кусок*), который в 1378–1379 гг. участвует в поездке митрополита Митяя в Царьград. С 1573 г. известно по документам подмосковное село Кусково, название которого происходит от личного именованья владельца или первопоселенца *Куска*. Рядом с ним в 1750–1770-х гг. по заказу Петра Шереметьева крепостные архитекторы Фёдор Аргунов и Алексей Миронов создали обширную усадьбу с дворцом, многими «увеселительными затеями», большим парком и прудами. Ныне в ней находится государственный музей керамики «Усадьба Кусково XVIII века». В конце XVI в. в Угличе проживает Семён Иванович Кусков. Прославленным исследователем Аляски и Калифорнии, создателем Форта Росс был уроженец северного города Тотьма Иван Александрович Кусков (1765–1823). Переводчиком пьесы У. Шекспира «Отелло» на русский язык был Платон Александрович Кусков (1834–1909), родившийся в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина. Как видим, фамилия Кусков распространена в разных местах России, поэтому установить точное место, откуда мог Кусков переехать в начале XIX в. в Романовку, невозможно. В самой Романовке фамилия Кусков встречается поныне часто. В ноябре 1941 г. погиб в боях Великой Отечественной войны уроженец Романовки Алексей Иванович Кусков 1908 года рождения. Одним из информантов экспедиции был Иван Александрович Кусков 1935 года рождения.

Топонимы *Крутица, Крутицы, Крутец* широко распространены на территории России: имеется 54 населённых пункта с наименованием *Крутец*, 10 – *Крутицы*, 4 – *Крутица*. Топонимы восходят к апеллятивам *крутица* ‘высокая, крутая гора’ [25, с. 328], *крутец* ‘высокий крутой берег’ [Там же, с. 325], ср. также *крутик* ‘крутой берег реки или оврага’ [Там же], *крутяк* ‘крутой горный склон, обрыв’ [Там же, с. 333], *крутыня* ‘высокая, крутая гора’ [Там же, с. 330], *крутоберег, крутояр* и др. В Поволжье и на сопредельных территориях в близком значении употребляется слово *венец* ‘самое высокое место на берегу реки’ [24, с. 112].

В 3–4 км от села находятся две возвышенности, именуемые *Шиханы*, которые якобы сооружены Мамаем в XIV в., и *Венцовая гора*. Саратовский исследователь Н.Я. Воскобойни-

ков отмечал в 1875 г., что в одном из Шиханов кладоискатели вырыли 13 ям, а на Венцовой горе были видны остатки деревянных построек. Он объяснял название горы тем обстоятельством, что в ясную погоду с неё видны приволжские возвышенности на 80 вёрст по течению Волги и на 70 вёрст против течения. Рядом с Венцовой горой в промоине был найден каменный молоток весом 5 7/8 фунта (около 2,5 кг) с искусно просверленным отверстием для ручки. В ближайших окрестностях камня, из которого был сделан молоток, не было найдено [14, с. 289].

Слово *шихан* также достаточно широко распространено на территории России, оно встречается на Урале, в Поволжье, на Каспии, а также в Западном Казахстане. В.И. Даль определяет его значение как ‘холм, бугор, особ<енно> островерхий, шатром; макушка, верхушка горы’ [5, т. 4, с. 636]. В словаре приведены контексты употребления лексемы: *шиханы в песках* – крутые бугры грядами, гребни. Киргизы (казахи) на зиму уходят в шиханы, т. е. в пустыню Каракум под защиту песчаных бугров. Когда на Каспии говорят *шиханы ставит*, это значит «морской лёд ломает ветром и торосит, громоздит, ставит шатром», отмечается, что для рыбаков, заходящих на десятки вёрст по льду в море, это зловещий признак, поскольку за шиханами следует взлом, а затем относ льда в море [Там же]. В Оренбуржье и под Астраханью словосочетанием *мар на шихан* называют склад камней на горе. Слово *мар* встречается и самостоятельно, оно имеет значение ‘одинокий бугор, курган, насыпь или природная сопка, сложенная где для приметы’ [Там же, т. 2, с. 301]. Выражение *составить доски шиханом* В.И. Даль определяет как «сослонить шатром». В словарной статье далее приведён неясный контекст: «Шиханник, кучегурник, бугорник, сухой кочкарник, песчаный бугорник». Видимо, отсутствие толкования этих слов не позволило составителям СРНГ включить их в свой словарь. На Урале встречается омоним *кочкарник* ‘приспособление для срезания кочек, кочкорез’ [25, с. 133]. Возможно, понять значение далевских слов помогут данные словаря Т.Ф. Ефремовой, в нём с пометой *местн.*, т. е. как-то соотносимое с диалектами, приведено слово *кочкарник* с двумя значениями: «1. Низменное или болотистое место, покрытое кочками. 2. Кочки, поросшие мхом» [23, с. 1051]. В МАС у этого слова только первое значение и помета *обл.*, которой обозначаются диалектизмы [12, с. 117]. Следовательно, и *шиханник* может обо-

значать 'место, покрытое буграми, насыпями'. В «Словаре местных географических терминов» Э. и В. Мурзаевых [15, с. 259] *шихан* – «возвышенность, холм с правильными склонами и хорошо выраженной вершиной, обычно сферической формы; отдельная возвышенность на берегу реки, не затопляемая и во время высокого уровня воды и с выходами коренных пород; песчаные бугры, кучугуры; обычные холмы».

М. Фасмер считает, что слово *шихан* неясного происхождения [29, с. 444]. В.И. Даль пометает, что слово татарское, в некоторых источниках его отмечают как башкирское, однако в тюркских языках оно не имеет убедительных языковых связей. Предположение Р.К. Садыковой, что в этом слове сохранилась древнетюркская форма и что в татарском языке ему соответствует глагол *чыккан* 'вышел', причастие *чыккан* 'вышедший' [21], нельзя признать удачным по семантическим, грамматическим и фонетическим основаниям. Можно было бы предположить, что слово славянского происхождения и связать со словами *шишка* без первой палатализации второго [x] (*xīxīka) или *шиш* без воздействия [j] (*xīxīj) и оформленное суффиксом *-ан* (*лобан, кожан, пузан, старикан, молокан, орлан, горлан, крылан, братан, брюхан, ушан* и др.). У слова *шиш* отмечено устаревшее значение 'заострённая верхушка чего-л., остроконечный или стоящий торчком предмет' [3, с. 1499]. Сема выпуклости, возвышения отмечается и у слова *шишка* [Там же]. Этот же корень представлен в слове *шихор / шихорь* 'высокий костёр' [29, с. 4444]. Другая степень вокализации корня, возможно, представлена в словах рус. *хохряк* 'горб, кочка, колышка, шишка' [5, т. 4, 563], *хохол* 'торчащий клочок волос или перьев (на голове)' [3, с. 1453], польск. *chochol* 'верхний сноп в суслоне, служащий крышкой' [31, с. 181], чеш. *chochol* 'торчащий пучок перьев или волос' [33, с. 573], *chuchel, chuchvalec* 'пучок, клочок; клуб дыма' [Там же, с. 588], словацк. *chochol, chochláč, chochlik* [32, с. 223]. Общеславянский корень *xix-/xox имел, вероятно, значение возвышенности, выпуклости. Впрочем, ограниченное распространение лексемы *шихан* не позволяет считать эту этимологию полностью доказанной.

Топонимы *Шихан, Шиханы* встречаются в нескольких российских регионах. Так называются город в Саратовской области, посёлок в Самарской области, деревня в Башкортостане, имеется несколько возвышенностей в Поволжье и на Урале с таким названием.

В местном говоре, как и в соседних казачьих, используется также слово *яр* 'часто встречающееся в казачьих краях название крутого, обрывистого берега реки' [22, с. 689]. Так, в романовском говоре встретились четыре диалектных обозначения возвышенности: 1) дериват от прилагательного *крутой* 'почти отвесный обрывистый' [3, с. 475], 2) слово, образованное лексико-семантическим способом деривации, ставшее омонимом к исходной лексеме *венец* 'веночек' [Там же, с. 117]; 3) заимствование из тюркских языков *jar* 'крутой берег, крутизна, пропасть, отвесная скала' [29, с. 559]; 4) слово *шихан* 'холм, бугор, вершина' не до конца ясного происхождения.

В 1860 г. в Романовке проживало 1077 человек в 99 дворах. Здесь был православный молитвенный дом, жители построили мельницу. В конце 1861 г. на средства прихожан была построена деревянная Космо-Дамиановская церковь. К приходу был причислен хутор Варькин. В 1882 г. в Романовке проживало 1510 человек в 267 дворах, к 1891 г. число дворов увеличилось до 300, а жителей стало 1475 человек. 14 ноября 1887 г. была открыта церковно-приходская школа, для которой выстроили одноэтажное деревянное здание с одной большой комнатой. Школа была трёхклассной. Изучались арифметика, русский язык и закон божий, который преподавал священник. В 1891 г. открыли фельдшерский пункт и земскую ямскую станцию с 4 лошадьми для перевозки почты и пассажиров. В 1894 г. в Романовке проживало 2417 человек, все великороссы, православные. К 1897 г. число жителей возросло до 2952 человек [14, с. 288–289] (возможно, в это число включено население ближних хуторов, поскольку трудно объяснить прирост числа жителей за 3 года на 535 человек). В школе обучалось 67 учеников (50 мальчиков и 17 девочек), им преподавала учительница В.В. Николаева.

Первоначально село Романовка было включено в состав Липовской волости, однако число жителей увеличилось, рядом появились хутора, поэтому в 1890 г. была создана самостоятельная Романовская волость, к которой были приписаны сёла Чухонастовка и Караванка, хутора Студёновка, Щепкин, Варькин и Райсих. В Романовке было выстроено здание для волостного правления.

В 1918 г. появилась земская школа, в 1924 г. её преобразовали в школу крестьянской молодёжи с семилетним сроком обучения. Позже она стала восьмилеткой. В конце 1920-го – начале 1921 г. в Романовке, Студёновке и распо-

ложенной неподалёку Караваинке отмечалось обновление икон во многих домах, о чём 3 января 1921 г. сообщал в уездный исполком Новиков [35, л. 31]. Советская власть предприняла решительные меры, и 6 мая 1921 г. зам. председателя губернской ЧК докладывал, что авторитетная комиссия обследовала 200 икон, обнаружила, что они обновлялись тряпкой, лекарствами, химическими составами. После этого иконы перестали обновляться. Сообщалось, что некоторые священники отрекаются от сана и поступают на службу в советские учреждения [34].

Перепись населения 17 декабря 1926 г. установила, что в Романовке проживает 1949 человек, русских. В 1930-е гг. организован колхоз «Красный инициатор» [36, д. 26, л. 293]. На территории хутора Студёновка был колхоз имени Калинина.

В июне 1928 г. был образован Нижневолжский край, делящийся на округа. В состав Камышинского округа входил Ольховский район, в него был включён Романовский сельсовет, к которому 7 декабря 1928 г. присоединили Студёновку. В январе 1935 г. организован Балыклейский район, в который был передан Романовский сельсовет, ему подчинялись хутора Камыши, Кулига, Студёновский и Семёновский [7]. По новой Конституции СССР в составе РСФСР с 5 декабря 1936 г. числилась Сталинградская область, Балыклейский район вошёл в её состав. В 1936 г. на территории сельсовета находились колхозы имени Ворошилова, Птухи (региональный партийный лидер, в документах фамилия не склоняется – *имени Птуха*) и «За власть Советов» [37, л. 18].

С началом Великой Отечественной войны на фронт было призвано более 200 жителей сельсовета. Многие жители села участвовали в рытье окопов под Сталинградом. В «Книге памяти» Ольховского района указано, что в период Великой Отечественной войны погибло, пропало без вести 95 жителей села Романовка и хутора Студёновка.

В 1952 г. колхозы Романовки и Студёновки объединились в один с названием «За власть Советов». В июле 1953 г. объединены Романовский и Варькинский сельсоветы. 7 февраля 1963 г. ликвидирован Балыклейский район. Романовский сельсовет включён в состав Камышинского района. 31 декабря 1966 г. был восстановлен Ольховский район, в него вошёл Романовский сельсовет. 13 августа 1975 г. из учётных данных исключён хутор Камыши Романовского сельсовета как фактически не

существующий. Законом Волгоградской области от 24 декабря 2004 г. «Об установлении границ и наделении статусом Ольховского района и муниципальных образований в его составе» было утверждено сельское поселение Романовское, включающее село Романовку и хутор Студёновку [6]. Сейчас здесь живёт 527 человек (2016). Имеются средняя школа, медпункт, несколько магазинов, пекарня. Местные жители работают в ОАО «Романовское» и у фермеров.

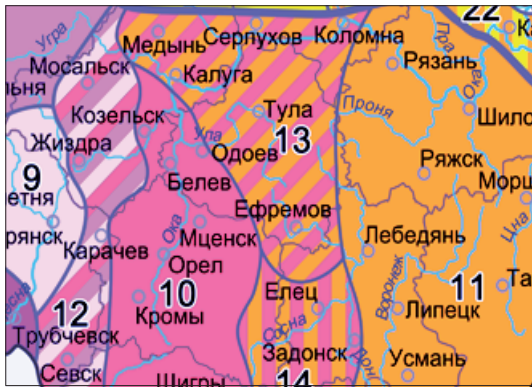
Открыть прошлое населённого пункта может помочь анализ диалекта. В Романовке хорошо сохранился южнорусский говор со специфическими чертами, которые позволяют высказать предположение о путях движения поселенцев до того, как они устроились на берегах небольшой речки Студёнки, которая, вероятно, по селу иногда именовалась Романовской речкой. В 1883 г. побывавший здесь геолог И.Ф. Синцов записывает: «У с. Романовки меловая порода оканчивается и дальше до впадения Романовской речки в Балыклею в обрывах остаются только одни голубовато-серые мергели».

В 2007 г. уроженец Романовки А. Малашкин недалеко от въезда в село на роднике установил дощатый сруб с крышкой, рядом поставил привезённый с Кавказа камень с надписью: «Источник родниковой воды насыщен воздухом Отчизны. Пригуби свежесть родной земли! Испей силу Родины предков! Насладись кристальной прохладой, что снимет усталость и наполнит радостью душу. И пусть глоток родниковой воды напомнит об истинных ценностях сердца! Пусть откроет двери памяти и осветит путь в будущее! Пусть вдохновит на добрые дела!». За родником постоянно следит местный фермер В. Иванов, потомок купца А.И. Кускова.

Специфическим является образование катойконима – вместо нормативного *романовцы* (ед. ч. *романовец*) здесь используется наименование жителей *романцы* (ед. ч. *романец*).

Территория нынешней Калужской области распределяется между тремя диалектными группами: тульской (на фрагменте диалектологической карты – 13), орловско-курской (10) и так называемой межзональной типа А (12). Все они обладают рядом общих черт (аканье, [γ] фрикативный, яканье разного типа, переход глаголов второго спряжения в первое), однако в каждой из групп имеются ярко выраженные специфические дифференциальные черты. Проанализируем, с какой из отмеченных диалектных групп романовский говор коррелируется в наибольшей степени.

В говорах тульской группы отсутствуют такие типичные южнорусские черты, как формы родительно-винительного падежа местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного *мене, тебе себе* и мягкое окончание *-ть* у глаголов в форме 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и простого будущего времени. В этих говорах не встречается ассимиляция по назальности *бм > мм*: *о[бм]ан*, различаются формы дательного и творительного падежей существительных и прилагательных множественного числа: *за новыми домами, к новым домам; с пустыми ведрами, к пустым ведрам*. В родительном падеже слов первого склонения отмечено окончание *-е* (особенно с предлогом): *у жене, со стене*. Встречаются лексемы *зелени, зелена* 'всходы озимой ржи', *люлька* 'колыбель (обычно подвешенная к потолку)', *корец, корчик* 'ковш', *дежа* 'посуда для приготовления теста', *гребовать* 'брезговать', *чапельник* 'сковородник' и др.

Межзональные говоры типа А отличаются переходом среднего рода в мужской (*тёплый молоко, большой окно*), твёрдостью заднеязычных согласных в финалах прилагательных (*плохие, тонкие, плохих, тонких*), переходом сочетания *вн* в *мн* (*дамно, рамно*), дезаффрикацией звука [ч] (*щяй, ночь, хоцу*), окончанием *-ы* в дательном-предложном падеже 1-го склонения (*к жоны, к сестры*), окончанием прилагательных женского рода в творительном падеже всегда в полной форме (*большую, новую, близкою*), особым произношением слов *вышня, лепешка, туча* и др.

Курско-орловские говоры характеризуются отсутствием звука [ф] (*хвартук, хворма, конхета, шахванер, кохта*), произношением звука [в] в слабой позиции в виде [ў], гласного [у] или в предлоге и приставки [ув] (*праўда, унук, уремя, усех, домоу, столоу, ув армию, ува сне, уваши*), протетическим *в, у* перед *о, у* (*вокна, вулица, вутки*), отвердением губных на конце слова (*любоу, голуп, сем*), дезаффри-

кацией – щёканьем и соканьем (*щяй, ущениса, куриса*), прогрессивным ассимилятивным смягчением заднеязычных (*Ванька, Петья, Санька*) [20, с. 44–45; 19, с. 30–31].

Рассмотрим, к какой из отмеченных калужских групп наиболее близок говор села Романовка. По всем показателям этот говор является южнорусским. Здесь отмечены аканье (*пахожа, хадили, саусем*), [γ] фрикативный (*ууси, улянь, уадюка, уавкаить, уарот, бируамот*), переходящий в слабой позиции в *х* (*оврах, плух*), *-ть* в 3-м лице единственного и множественного числа глаголов настоящего и будущего времени (*балеють, дають, работають, отымають, скажуть, идутъ, мрутъ, заходить, едитъ, будутъ, просятъ*), яканье култуковского или кидусовского типа (*якля, свякрофь, тьялочик, сяло, звяздою, повярнула, цвяты, цвятную, ацвяяла, у сястры, жаних, но: зимле, типерь, тибе*). Наиболее яркой чертой романовского консонантизма является дезаффрикация, чётко проявляющаяся у носителей старшего поколения и отражённая в виде слабой смычки в аффрикатах [ч'] и [ц] у более молодых носителей говора (*паццаму, быцци, таццили касу, пецци клали, ярацка, святок; м'щяй, м'святы*). Данное явление не могло быть выявлено по архивным документам, поскольку носители говора не воспринимают его, считают, что они правильно произносят звуки, изображаемые на письме буквами *ч* и *ц*. В прилагательных [к'] > [к]: *такие, какие, высокий*. Звук [в] переходит в [ў]: *подлоўка, ўключить свет*. В говоре отмечен протетический [j] перед [и]: [jих], [jim], [jиму]. Встречаются слова, в которых не произошла 3-я лабиализация: *ведра, ведрами*. Слова среднего рода переходят в женский: *солнышка не паднялась, эту жарно, фся сяло, эту салу*. У существительных в творительном падеже множественного числа две флексии: безударное *-ими* после заднеязычных и *-ами* под ударением и после остальных согласных (*с садами, ногами, рыбами, с дочками*).

Итак, по большинству признаков говор Романовки сближается с курско-орловской группой южнорусского наречия. Именно на этой территории находятся деревни *Большие* и *Малые Крутицы* (см. фрагмент карты 1785 г.), из которых, вероятно, и прибыли в начале XIX в. переселенцы на берега Студёнки и создали сельцо Романовка. Они принесли свой говор, который сохраняется на протяжении почти 200 лет и продолжает функционировать в существенно изменившихся условиях.

Список литературы и источники

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966.
2. Брысина Е.В., Супрун В.И. Языковая ситуация в Волгоградской области // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. №3(98). С. 154–160.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
4. Воробьёв А.В. Поселения Волгоградской области. 2-е изд. Волгоград: Станица-2, 2000.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ГИИНС, 1955.
6. История административно-территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области. 1936–2007 гг.: справочник. Т. 1–3. Волгоград: Перемена, 2009.
7. История административно-территориального деления Сталинградского (Нижне-Волжского) края: 1928–1936 гг.: справочник / сост. Д.В. Буянов, Н.С. Лобчук, С.А. Норицына. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2012.
8. Иванов В.В. Полногласие // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энцикл., 1979. С. 217.
9. Кудряшова Р.И. Слово народное: говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград: Перемена, 1997.
10. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области) : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 1998.
11. Кузнецов П.С. Русская диалектология: учебник для учительских ин-тов. Изд. 2-е. М.: Учпедгиз, 1954.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. Т. 2.
13. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
14. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Южные уезды Царицынский и Камышинский: Современная версия / под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2010.
15. Мурзаевы Э.М. и В.Г. Словарь местных географических терминов. М.: Географгиз, 1959.
16. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984.
17. Панова М.В. Наименования традиционной юбки в воронежских говорах // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. ст.: материалы науч. регион. конф. / науч. ред. Т.Ф. Пухова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. (Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Вып. IX). С. 230–239.
18. Русская диалектология / под ред. Л.Л. Касаткина. Изд. 2-е, перераб. М.: Просвещение, 1989.
19. Русская диалектология / под ред. В.В. Колесова. Изд. 2-е, стер. М.: Высш. шк., 1998.
20. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. М.: Высш. шк., 1972.
21. Садыкова Р.К. Историко-лингвистический анализ тюрко-татарской топонимии Ульяновской области Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003.
22. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
23. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Т. I–III. М.: Астрель; АСТ, 2006.
24. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 4. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1969.
25. Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л., 1979.
26. Супрун В.И. Заволжская группа русских говоров: фонетический уровень // Грани познания. 2012а. №6. URL : <http://grani.vspu.ru/jurnal/25>.
27. Супрун В.И. Архивные документы как источник диалектной информации // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Спецвыпуск к 90-летию со дня рождения проф. В.С. Ильина. 2012б. №4(68). С. 108–112.
28. Супрун В.И. Заволжская группа говоров // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2013. №3(19). С. 70–75.
29. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, стер. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 4.
30. Шацкая М.Ф. Лексические и деривационные особенности существительных с финалью -к(а) в заволжских говорах // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2014. №2. С. 17–24.
31. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1970.

32. Isačenko A.V. Slovensko-ruský prekladový slovník. D. 1–2. Bratislava: SAVU, 1950.
 33. Váša P. Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Ve dvou dílech. Praha: Fr. Borový, 1937.

Источники

34. ГАВО, ф. Р-37, оп. 2, д. 11.
 35. ГАВО, ф. Р-180, оп. 2, д. 1.
 36. ГАВО, ф. Р-467, оп. 1.
 37. ГАВО, ф. Р-628, оп. 1, д. 14.

* * *

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sov.jencikl., 1966.
 2. Brysina E.V., Suprun V.I. Jazykovaja situacija v Volgogradskoj oblasti // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. 2015. №3(98). S. 154–160.
 3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / sost. i red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998.
 4. Vorob'jov A.V. Poselenija Volgogradskoj oblasti. 2-e izd. Volgograd: Stanica-2, 2000.
 5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t. M.: GIINS, 1955.
 6. Istorija administrativno-territorial'nogo delenija Volgogradskoj (Stalingskogo) oblasti. 1936–2007 gg.: spravocnik. T. 1–3. Volgograd: Peremena, 2009.
 7. Istorija administrativno-territorial'nogo delenija Stalingskogo (Nizhne-Volzhskogo) kraja: 1928–1936 gg.: spravocnik / sost. D.V. Bujanov, N.S. Lobčuk, S.A. Noricyna. Volgograd: Volgogr. nauch. izd-vo, 2012.
 8. Ivanov V.V. Polnoglasie // Russkij jazyk: jenciklopedija / gl. red. F.P. Filin. M.: Sov.jencikl., 1979. S. 217.
 9. Kudrjashova R.I. Slovo narodnoe: govory Volgogradskoj oblasti v prošlom i nastojashem. Volgograd: Peremena, 1997.
 10. Kudrjashova R.I. Specifika jazykovyh processov v dialektah izolirovannogo tipa (na materiale donskih kazach'ih govorov Volgogradskoj oblasti) : dis. v vide nauch. dokl. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 1998.
 11. Kuznecov P.S. Russkaja dialektologija: uchebnik dlja učitel'skih in-tov. Izd. 2-e. M.: Učpedgiz, 1954.
 12. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoj. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Rus. jaz., 1981–1984. T. 2.
 13. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov n/D. : Feniks, 2010.
 14. Minh A.N. Istoriko-geograficheskij slovar' Saratovskoj gubernii. Južnye uezda Caricynskij i Kamyšinskij: Sovremennaja versija / pod red.

- I.O. Tjumenceva. Volgograd: Izd-vo VAGS, 2010.
 15. Murzaevy Je.M. i V.G. Slovar' mestnyh geograficheskikh terminov. M.: Geografiz, 1959.
 16. Orlov L.M. Russkie govory Volgogradskoj oblasti: ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo VGPI im. A.S. Serafimovicha, 1984.
 17. Panova M.V. Naimenovanija tradicionnoj jubki v voronežskih gorah // Narodnaja kul'tura segodnja i problemy ee izučenija: sb. st.: materialy nauch. region. konf. / nauch. red. T.F. Puhova. Voronež: Izd-vo Voronež. gos. un-ta, 2010. (Afanas'evskij sbornik. Materialy i issledovanija. Vyp. IX). S. 230–239.
 18. Russkaja dialektologija / pod red. L.L. Kasatkina. Izd. 2-e, pererab. M.: Prosvetshenie, 1989.
 19. Russkaja dialektologija / pod red. V.V. Kolesova. Izd. 2-e, ster. M.: Vyssh. shk., 1998.
 20. Russkaja dialektologija / pod red. N.A. Mesherskogo. M.: Vyssh. shk., 1972.
 21. Sadykova R.K. Istoriko-lingvisticheskij analiz tjurko-tatarskoj toponimii Ul'janovskoj oblasti Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2003.
 22. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. R.I. Kudrjashovoj. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.
 23. Efremova T.F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. T. I–III. M.: Astrel'; AST, 2006.
 24. Slovar' russkikh narodnyh govorov / gl. red. F.P. Filin. Vyp. 4. L.: Nauka, Leningr. otd., 1969.
 25. Slovar' russkikh narodnyh govorov. Vyp. 15. L., 1979.
 26. Suprun V.I. Zavolzhskaja gruppa russkikh govorov: foneticheskij uroven' // Grani poznanija. 2012a. №6. URL : <http://grani.vspu.ru/jurnal/25>.
 27. Suprun V.I. Arhivnye dokumenty kak istočnik dialektnoj informacii // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Specvypusk k 90-letiju so dnja rozhdenija prof. V.S. Il'ina. 2012b. №4(68). S. 108–112.
 28. Suprun V.I. Zavolzhskaja gruppa govorov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2013. №3(19). S. 70–75.
 29. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. Izd. 2-e, ster. T. 1–4. M.: Progress, 1986–1987. T.4.
 30. Shackaja M.F. Leksicheskie i derivacionnye osobennosti sushhestvitel'nyh s final'ju -k(a) v zavolzhskikh govorah // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Jazykoznanie. 2014. №2. S. 17–24.
 34. ГАВО, ф. Р-37, оп. 2, д. 11.
 35. ГАВО, ф. Р-180, оп. 2, д. 1.
 36. ГАВО, ф. Р-467, оп. 1.
 37. ГАВО, ф. Р-628, оп. 1, д. 14.

Steadiness of the Russian folk dialect at the territory of later settling (based on the material of the ethnolinguistic expedition of the 2016)

The article deals with the modern condition and sources of the dialect of the Romanovka village, Olkhovsky district, investigated in the course of the ethnolinguistic expedition in 2016. The phonetic and grammar signs of the dialect, as well as the historical information allow the conclusion that the first settlers arrived in Romanovka in 1824-1826 from the Krutitsa village, Mosalsky Uyezd, Kaluga Province. The authors point out the steadiness of the Russian folk dialect at the territory of later settling.

Key words: *dialect, South Russia dialect, a-pronouncing, ya-pronouncing, disaffrication, etymology, prosthetic sounds, steadiness.*

(Статья поступила в редакцию 08.09.2016)

М.Ф. ШАЦКАЯ
(Волгоград)

**СПЕЦИФИКА ГОВОРА С. БЕЛЯЕВКА
СТАРОПОЛТАВСКОГО РАЙОНА
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ***

Анализируется один из говоров заволжской группы, распространенный в с. Беляевке, приводятся черты его отличия от говоров той же группы на территории сел Красный Яр, Черebaево, Белокаменка. Дается характеристика основных ЛСГ диалектизм, освещаются также фонетические и грамматические особенности. Собранный в ходе диалектологической экспедиции материал позволяет отнести данный говор к группе ассимилированных.

Ключевые слова: *ассимилированные говоры, диалектизм, лексико-семантическая группа, грамматический, фонетический.*

Говоры Волгоградской области давно уже стали предметом исследования многих лингвистов, первым среди которых являлся основатель волгоградской диалектологической

* Работа выполнена в рамках проекта №16-14-34501 г(р) «Диалекты как экологическая зона языка. Всероссийская научная конференция, посвященная памяти профессора Р.И. Кудряшовой», поддержанного РГНФ.

школы Леонид Михайлович Орлов. Его последователем и хранителем традиций школы была Римма Ивановна Кудряшова, работы которой разносторонне характеризуют многообразие языкового полотна русских говоров Волгоградской области (см.: [Кудряшова 1997, 1998; Орлов, Кудряшова 1998; СДГВО 2011] и др.). Одним из видов деятельности диалектологической школы являются экспедиции. Так, в 2012–2014 гг. на филологическом факультете ВГСПУ были организованы очередные диалектологические экспедиции в сёла Старополтавского района – Красный Яр, Белокаменка, Черebaево (группа заволжских говоров) и с. Иловатка и Беляевка.

Центр сельского поселения Старополтавского района – село Беляевка – расположен на берегу Волгоградского водохранилища, в 30 км к юго-западу от Старой Полтавки. История этого села начинается с XIX в. (в 1895 г. у Покровской церкви проживало 610 человек). По данным переписи 2011 г., в селе живёт 474 человека. Название села пошло от фамилии Беляев или прозвища Беляй ('светлый, очень бледный, белолицый, белокурый'). По мнению местных краеведов, номинация дана по цвету песка в окрестностях села.

Рассмотрим специфику говора с. Беляевка, отраженную в языковом материале, который был собран в ходе диалектологической экспедиции.

Лексика и фразеологию условно можно представить четырнадцатью лексико-семантическими группами (далее – ЛСГ). Ведущими в жизни сельских жителей, конечно, являются ведение домашнего хозяйства и земледелие. Самой большой по числу единиц является лексико-семантическая группа номинаций блюд (20 лексем и 1 фразеологизм). Она включает наименования мучных изделий, среди которых были как повседневные блюда – *галушки* или *рванки* (здесь и далее ударный звук выделен полужирным шрифтом) (*вермишель, лапша: Сливные уалушки уотовили, удето называют рванки. Ат слова слить. Похожа на лапу. Тесто рвёшь кусочками, катали эти уалушки*), *куха* (пирог; тесто приготовлялось из свиного жира, муки и сахара; сверху наносилась сдобная посыпка из яйца, муки и сахара, которая поливалась арбузным мёдом: *Кухи пикли – этат крытый пирок, липёшка с насыпкой сдобной*), *пампушки*, так и обрядовые – *жаваронок* (хлебное изделие в виде птички, выпекаемое на день сорока мучени-